

человек загадка

Борис
СОКОЛОВ

ВЕРНЫЙ ПЕС
БРИТАНСКОЙ
КОРОНЫ

ЧЕРЧИЛЛЬ

Человек-загадка

Борис Соколов

**Черчилль. Верный пес
британской короны**

«ВЕЧЕ»

2014

Соколов Б. В.

Черчилль. Верный пес британской короны / Б. В. Соколов —
«ВЕЧЕ», 2014 — (Человек-загадка)

ISBN 978-5-4484-7262-6

Уинстон Черчилль вошел в историю Великобритании как самый яркий политик XX века, находившийся у власти при шести монархах – начиная с королевы Виктории и кончая ее праправнучкой Елизаветой II. Он успел поучаствовать в англосуданской войне и присутствовал при испытаниях атомной бомбы. Со своими неизменными атрибутами – котелком и тростью – Черчилль был прекрасным дипломатом, писателем, художником и даже садовником в своем саду в Чартвелле. Его картины периодически выставлялись в Королевской академии, а в 1958 году там прошла его личная выставка. Черчиллю приписывают крылатую фразу о том, что «историю пишут победители». Он был тучным, тем не менее его работоспособность была в норме. «Мой секрет: бутылка коньяка, коробка сигар в день, а главное – никакой физкультуры!»

ISBN 978-5-4484-7262-6

© Соколов Б. В., 2014

© ВЕЧЕ, 2014

Содержание

Детство и юность	6
Лейтенант королевской армии	14
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Борис Вадимович Соколов
Черчилль. Верный пес британской короны

© Соколов Б.В., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

* * *

Детство и юность

Сэр Уинстон Черчилль, без сомнения, принадлежит к числу самых выдающихся деятелей человечества. Его заслуженно считают самым великим из британских премьер-министров. Ведь именно Черчилль смог выиграть Вторую мировую войну, тяжелейшую из всех войн, которые когда-либо вела Британия. Причем он пришел к власти в тот момент, когда после краха Франции многим наблюдателям положение Англии казалось безнадежным и многие не исключали эвакуации британского правительства в Канаду.

Черчилль был весьма успешен в дни войн, Первой и Второй мировой, когда ему пришлось играть важную политическую роль. В дни мира его достижения были куда скромнее, хотя и не были отмечены явными провалами. Жизнь и политическая карьера Черчилля изобиловали драматическими поворотами, но он всегда стойко переносил удары судьбы. Хотя он дважды менял свою партийную принадлежность, были определенные принципы, которые он отстаивал всегда. Черчилль утверждал: «В моей стране представители власти гордятся тем, что они слуги государства; быть его хозяином считалось бы позором».

Сэр Уинстон мог назвать себя счастливым человеком. Он достиг в политике если не всего, то многого, чего хотел. Ему удалось создать антигитлеровскую коалицию и привести Англию к победе во Второй мировой войне. Правда, он так и не смог сохранить Британскую империю, но здесь он не мог противиться неумолимому ходу истории. Но он преуспел в создании и сохранении после войны англо-американского союза, ставшего основой НАТО и создавшего условия для противостояния советскому блоку.

Уинстона Черчилля признавали не только выдающимся политиком, но и великим литератором. Он был удостоен Нобелевской премии по литературе за свои произведения и прежде всего за шеститомные мемуары «Вторая мировая война». Думаю, это лучшая книга о минувшей войне, хотя она, разумеется, субъективна, как и любые мемуары, и призвана оправдать все дела его автора и выставить не в лучшем свете его оппонентов.

Дворец Бленхейм

Уинстон Черчилль родился 30 ноября 1874 года в родовом дворце Бленхейм. Его мать преждевременно разрешилась от бремени, поскольку перетанцевала на балу и едва успела добежать до гардеробной комнаты. Ее муж винил в этом местного вудстокского врача, недосмотревшего за беременной леди Черчилль. Отец Уинстона, лорд Рэндольф Спенсер-Черчилль, был третьим сыном Джона Уинстона Спенсера-Черчилля, 7-го герцога Мальборо, и многолетним депутатом британского парламента. По этой линии будущий британский премьер был потомком знаменитого полководца конца XVII – начала XVIII века Джона Черчилля, 1-го герцога Мальборо. Уинстон написал его биографию «Мальборо: его жизнь и время».

Мать – леди Рэндольф Черчилль, в девичестве Дженни Джером – была дочерью богатого американского финансиста. Таким образом, в жилах Уинстона текла как британская, так и американская кровь. Так что само происхождение диктовало ему добиваться прочного англо-американского союза, хотя отношения родителей были далеки от идиллических.

В отличие от отца, мать Черчилля не отличалась аристократическим происхождением. Зато у леди Рэндольф Черчилль, в девичестве Дженни Джером, было другое немаловажное преимущество – она была дочерью простого американского миллионера, а семейство Черчиллей давно уже не было богатым, и третьему сыну герцога Мальборо не светили ни титул, ни достойное упоминания наследство. К тому же Дженни была одной из первых красавиц своего времени. Королева Румынии Мария свидетельствовала: «Леди Рэндольф обладала ослепительной красотой, ее скорее можно было принять за итальянку или испанку. Глаза ее были большими и темными, изгиб губ был изысканным и почти озорным, волосы – иссиня-черными и блестящими, в ней было что-то креольское. Она была очень оживленной и много смеялась, показывая белоснежные зубы и всегда выглядя счастливой и хорошо проводящей время».

Ее отец, Леонард Джером, крупный биржевой игрок, основатель Американского Жокей-ского клуба, владелец акций «Нью-Йорк таймс» и Тихоокеанской почтовой пароходной компании, а также театра на Мэдисон-авеню, друг и деловой партнер знаменитого мультимиллионера Корнелиуса Вандербильта, был потомком изгнанного из Франции гугенота Тимоти Джерома, высадившегося в британских колониях в Северной Америке в 1717 году. За масштабные спекуляции нью-йоркской недвижимостью Леонарда Джерома прозвали «королем Уолл-стрит». Свадьба Дженни и Рэндольфа в 1874 году была одной из первых свадеб британского аристократа и дочери американского миллионера. Молодая чета получила 3600 фунтов в год, из них 2500 гарантировал отец невесты, предоставивший капитал в 50 000 фунтов в приданое. Он же оплатил долги Рэндольфа в 2000 фунтов. Однако в дальнейшем из-за неудачной игры на бирже финансовые дела Леонарда Джерома ухудшились, и он несколько лет не мог помогать дочери в прежнем объеме. Брак же с Рэндольфом перерос просто в дружескую связь в 1886 году, когда супруги стали жить раздельно, обзаведясь любовницами и любовниками. Но Рэндольфа, подававшего большие надежды парламентария-консерватора, успевшего побывать министром по делам Индии и канцлером казначейства, погубил сифилис – сухотка спинного мозга свела его в могилу в 1895 году в возрасте 45 лет. Мать Уинстона не слишком долго горевала. В 1900 году она вышла за капитана шотландской гвардии 26-летнего Джорджа Корнуоллиса-Уэста, который был моложе ее на 20 лет и был ровесником Уинстона. Через 14 лет супруги развелись, чему способствовали финансовые проблемы Дженни. В 1918 году она вышла замуж за 41-летнего миллионера Монтегю Фиппен Порча. В 1921 году Дженни упала с лестницы и сломала ногу. Началась гангрена, и врачи не смогли спасти леди Рэндольф Черчилль.

Сэр Рэндольф Черчилль

У Уинстона Черчилля был младший брат Джон Стрейндж (Джек) Спенсер-Черчилль (1880–1947). Поговаривали, что его настоящим отцом был Эвелин Эдвард Томас Боскауэн, 7-й виконт Фальмауз, умерший в 1918 году. Джек был профессиональным военным. В годы Первой мировой войны он дослужился до чина майора, был награжден французскими орденами – Военным крестом и орденом Почетного легиона. После войны Джек стал бизнесменом в Сити. Они были очень близки с Уинстоном, и Джек с семьей частенько гостили в поместье Чартвелл.

Родители, занятые бурной политической и сексуальной жизнью, почти не уделяли Уинстону внимания. Как пишет германский историк Дитрих Айгнер, «между сыном и отцом не могло возникнуть чувства близости, так как сначала у лорда Рэндольфа почти никогда не было времени для своей семьи, а позднее не было желания понять другого человека, даже своего собственного сына. Мальчик тяжело переживал отсутствие отца, но еще больше он страдал оттого, что с ним рядом не было его матери».

Воспитание Уинстона было возложено на его няню Элизабет Энн Эверест, о которой он сохранил самые теплые чувства до конца жизни. Она прощала ему детские шалости и жалела за то, что он заикался и не выговаривал нескольких букв. В дальнейшем Уинстон успешно избавился от этих природных недостатков и стал одним из наиболее выдающихся ораторов своего времени. Кстати, он с детских лет очень любил играть в оловянных солдатиков, не подозревая, что в будущем ему придется руководить настоящими многомиллионными армиями. А тетка Черчилля вспоминала, что Уинстон, еще будучи ребенком, говорил, что обязательно пойдет по пути отца, чтобы стать премьер-министром.

1 ноября 1882 года Черчилль поступил в привилегированную школу Сент-Джордж в Аскоте, плата за обучение в которой составляла 150 фунтов за год (когда Уинстон стал лейтенантом, его годовое жалованье было только 120 фунтов). Школа гарантировала поступление в самые престижные колледжи, например в Итон, где традиционно учились представители рода Черчиллей. Но в Сент-Джордже были узаконены телесные наказания, и Уинстон им регулярно подвергался, поскольку в детстве терпеть не мог дисциплину. По воспоминаниям одноклассника Черчилля искусствоведа Роджера Фрая, в результате порки «попки несчастных мальчиков превращались в кровавое месиво». Остальных школьников сажали около открытой двери в библиотеку, где проходила экзекуция, чтобы они, «дрожа от страха, слушали вопли» наказуемых. Через год учебы Черчилль оказался по дисциплине на последнем месте в классе. Его учителя утверждали, что Уинстон «не хочет учиться», «невоспитан», «ленив», «неисполнителен», «упрям». Лишь на второй год учебы, вняв настояниям няни, родители обратили внимание, что ребенок слишком часто подвергается экзекуциям. И в 1884 году его перевели в более скромную школу в Брайтоне. Здесь возглавлявшие школу две пожилые сестры Томсон стремились привнести науки детям не с помощью розги, которая «ум вострит», а посредством любви и доброты. Этот метод применительно к Уинстону оказался гораздо более эффективным. Однако либерализм со стороны педагогов имел и свою оборотную сторону. Между учениками постоянно вспыхивали потасовки, более сильные и наглые били более слабых и безответных. Уже через три месяца после пребывания в Брайтоне Уинстон схватился в рукопашной с одноклассником, хорошенько врезав ему в ухо. Тот в долгу не остался и ножом легко ранил Черчилля в грудь.

В 1887 году посредственные успехи Уинстона в учебе и его скверное поведение заставили родителей предпочесть более престижному колледжу Итон, где традиционно учились представители рода Мальборо и Черчилли, менее престижный Хэрроу, где требования к поступающим были более чем щадящие, а плата за обучение – столь же высокой – 250 фунтов в год. Перед экзаменами лорд Рэндольф переговорил с директором школы, и Черчилль был принят, хотя на письменном экзамене по ненавистной латыни не написал ни слова. Хорошо знал Уинстон только те предметы, которые любил, – историю и поэзию, а латынь, как и математику, искренне ненавидел. Тем не менее нелюбовь к математике не помешала Черчиллю в дальнейшем делать весьма точные расчеты как политику и стратегу. Зато в тех предметах, которые он любил, в истории, в родном языке и в литературе, Уинстон делал заметные успехи. Ему помогала феноменальная память – Черчилль заучивал наизусть десятки страниц текста. У него уже тогда выработался неплохой литературный стиль, что позволило Уинстону устроить взаимовыгодный бартер: он писал за своих одноклассников сочинения, а те решали за него математические задачи, которые Черчилль так никогда и не освоил.

Уинстон Черчилль в возрасте 7 лет

Уже в школьные годы Уинстон ощущал себя настоящим патриотом. Впоследствии он вспоминал, как пел в Хэрроу вместе с другими школьниками патриотические песни и как сильно хотел тогда «сделать хоть что-нибудь для славы своей страны». Хотя его недисциплинированность никуда не делась.

В 1888 году Уинстон написал сочинение о будущей мировой войне, где точно предсказал год ее начала – 1914-й. А вот в составе противоборствующих коалиций Черчилль немного ошибся. В его сочинении Англия воевала с Россией (сказалось тогдашнее российско-английское противостояние в Центральной Азии и Афганистане), тогда как в Первой, равно как и во Второй, мировой войне эти государства оказались союзниками.

От знаменитого предка-полководца Уинстон унаследовал настоящую страсть к военному делу. Он был убежден, что «сражения есть самые знаменательные события мировой истории» и что судьбы народов и государств зависят от воли великого человека, особенно полководца. Черчилль утверждал в одной из своих речей: «Во всех великих битвах прошлого успеха добивался тот, кто проявлял высшую силу воли, способную вырвать победу из лап противника». Чего-чего, а воли у него было не занимать.

Еще в колледже Уинстон начал активно заниматься спортом. При этом было замечено, что гораздо больших успехов он достигал в одиночных видах вроде плавания и конном спорте, чем в командных (крикет, футбол, регби). Что ж, Черчилль на всю жизнь остался индивидуалистом и успешно работал в команде только в одном случае – если он ее возглавлял, будь то министерство или правительство. На меньшие роли он был не согласен.

Выбор военной профессии произошел на каникулах летом 1889 года. Отец застал Уинстона и его младшего брата Джорджа за игрой в солдатики и прямо спросил: «Уинстон, не хочешь стать военным?» И тот уверенно ответил: «Да».

В «военном классе» будущий премьер стал учиться более прилежно. Видно, военная служба в тот момент его привлекала. Хэрроу Черчилль окончил в числе всего 12 учеников, сумевших выдержать экзамены по всем предметам, особые успехи показав при изучении истории. Он также стал чемпионом школы по фехтованию, зато по дисциплине находился в классе на последнем месте. Позднее Уинстон признавался: «Если какой-либо предмет не возбуждал моего воображения, то я просто не мог его изучать. За все двенадцать лет, что я провел в учебных заведениях, ни одному преподавателю не удалось заставить меня написать даже стих на латыни или выучить хоть что-нибудь из греческого языка исключая алфавит». В Хэрроу Черчилль прославился как один из самых злостных хулиганов. Ему очень нравилось сталкивать товарищей в бассейн. Правда, порой перепадало и ему самому. Как-то раз несколько товарищей затолкали его в постель и уст роили своеобразный контрастный душ, облив сначала горячей, а потом холодной водой. Но даже в столь беспомощном положении Черчилль кричал своим обидчикам: «Я все равно буду великим, а вы так и останетесь никем». И ведь сколько хулиганов было в колледже в то время, а великим-то действительно стал лишь один.

В конце 1892 года после провала на вторых вступительных экзаменах в Королевское военное училище Сэндхерст, отец забрал Уинстона из Хэрроу. Его определили в Лексэм-Гарденс-Эрлскорт в Лондоне на курсы к капитану Уолтеру Генри Джеймсу, который натаскивал нерадивых учеников для поступления в Сэндхерст. От уровня подготовки своего нового воспитанника капитан был не в восторге и честно сказал лорду Рэндольфу: «Ваш сын слишком невнимателен и чрезмерно заносчив. К тому же он постоянно поучает своих преподавателей, заявляя им, что его познания в истории настолько обширны, что он не желает продолжать дальнейшую учебу в данной области».

В 1893 году Черчилль лишь с третьей попытки сдал экзамены в престижное Королевское военное училище в Сэндхерсте. Его подвело плохое знание латыни. Показав 92-й результат из 102 поступивших курсантов, Уинстон первоначально был определен в менее престижный кавалерийский класс, где годовая плата за обучение была на 200 фунтов выше, а карьерные возможности – меньше. Перевестись в пехотный класс ему удалось только благодаря тому, что часть абитуриентов с более высокими экзаменационными баллами отказалась от поступления в училище.

Учеба отнимала практически все время. Первые занятия начинались в 6.45 утра и продолжались с небольшими перерывами на завтрак и обед до 16.00. Затем у курсантов было свободное время – они могли заняться спортом, чтением или просто гулять. До отбоя в 23.00 Черчилль много читал военную литературу, в том числе труды по стратегии и тактике, а также описания последних войн – гражданской войны в США 1861–1865 годов, франко-прусской войны 1870–1871 годов и русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Курсанты занимались кар-

тографией, тактикой, фортификацией, военной администрацией, полковым счетоводством, а также юриспруденцией, осваивали стрелковое и артиллерийское вооружение. Не последнее место занимали физические упражнения в гимнастическом зале, стрельба, копание окопов, строевая подготовка, марши и верховая езда.

Уинстон Черчилль – выпускник Сэндхерста

Лейтенант королевской армии

В 1894 году Черчилль окончил училище 20-м из 130 выпускников, что было довольно неплохим результатом, и в феврале 1895 года стал 2-м лейтенантом. Однако спустя восемь месяцев после окончания академии молодой лейтенант гусарского полка признался в письме матери, что «служба в армии – это совсем не то, что привлекает меня». Что же произошло? Ведь еще совсем недавно война была для Черчилля «благородной мужской игрой», «жестокой, но прекрасной»; а во время кавалерийских маневров, по собственному признанию, Черчилль «готов был кричать от восторга, предвкушая радость боя». Но очень скоро он понял, что военная служба – дело долгое и трудное, быстрой карьеры не сделаешь, особенно в условиях мирного времени (а Британская империя как на грех в это время не вела ни одной войны), да еще надо беспрекословно подчиняться старшим начальникам, чего Черчилль никогда не любил.

Тянуть ляжку младшего офицера в элитном 4-м гусарском полку Уинстону не очень-то хотелось. В 1895 году он признавался в одном из писем: «Чем дольше я служу в армии, тем больше мне нравится служить, но тем больше я убеждаюсь в том, что это не для меня».

Благодаря связям матери, которая делала все для карьеры сына, в том же 1895 году он был направлен на Кубу военным корреспондентом газеты «Дейли график» освещать борьбу кубинских повстанцев против испанских войск, будучи прикомандированным к последним, но оставаясь при этом на действительной военной службе в британской армии. За пять опубликованных статей, часть из которых перепечатала «Нью-Йорк таймс» (хотя его происпанская позиция не находила поддержки у американской публики), он получил гонорар в 26 фунтов и 5 шиллингов, что было весомой прибавкой к годовому жалованью в 120 фунтов. Правительство Испании наградило его медалью «Красный крест», что дало повод британской прессе усомниться в нейтральности корреспонденций Черчилля. На Кубе он пристрастился к гаванским сигарам и послеобеденной сиесте, а также понял, как сложно регулярной армии бороться с партизанами.

Уинстон Черчилль в 1895 году

Черчилля уже тогда влекла политика, но для политической карьеры у него просто не было средств. Его мать изрядно поиздержалась после смерти мужа, а кампания по выборам в парламент была и по тем временам делом весьма недешевым. Ведь по тогдашним британским законам кандидат в депутаты парламента должен был оплачивать расходы по ведению предвыборной кампании только из собственных средств. А 300 фунтов годового дохода семейства Черчиллей для этих целей было явно недостаточно. Недостаток денежных средств в юности привел к тому, что до конца жизни Черчилль отличался известной скупостью. А еще Черчилль понимал, что путь к успеху в политике лежит, среди прочего, через искусство оратора, и успешно им овладел.

По дороге на Кубу Черчилль впервые посетил Соединенные Штаты, на короткое время остановившись в Нью-Йорке у своих родственников. Позднее он говорил брату Джеку: «Америка – великая страна, где практичность ставится во главу угла, заменяя американцам романтику и красоту».

В октябре 1896 года Уинстон с полком отправился в индийский город Бангалор, где стал одним из лучших игроков сборной полка по поло. Мы-то все знаем Черчилля по портретам периода Второй мировой войны как толстяка-увальня. Трудно вообразить, что в молодые годы он был очень неплохим спортсменом. Ведь спорт изначально был занятием аристократов.

Служба в индийской глуши Черчиллю вскоре наскучила. Он отзывался о ней как о «бессмысленной и бесполезной ссылке». Уинстон рвался в бой. К тому же при высадке в Индии Черчилль вывихнул плечевой сустав, и последствия этой травмы еще долго давали о себе знать.

Хотя у службы в гарнизонном городе Бангалор были и свои преимущества. Каждый офицер жил на отдельной квартире и имел несколько человек индийской прислуги. Пока не было войн, Черчилль много читал. Особенно привлекали его книги по истории британской политической системы. А еще он читает и даже заучивает наизусть речи своего отца. Уинстон познакомился с трудами Гиббона, Маколея, Платона, Аристотеля, Шопенгауэра, Мальтуса, увлекся учением Дарвина. Уинстон читал для того, чтобы извлечь из прочитанного практическую пользу и на основе полученных знаний выстроить собственную жизнь. В марте 1897 года Черчилль писал матери из Бангалора: «Фактический материал из Annual Register (ежегодник, где публиковалась хроника политической жизни Англии. – Б.С.) вооружил меня, дав мне в руки острый меч воина. Маколей, Гиббон, Платон и другие должны укрепить мои мышцы, чтобы я мог эффективно использовать этот меч».

Летом 1897 года, вернувшись в отпуск в Англию, Черчилль совсем уже было решил рискнуть и включиться в политическую борьбу, бросив на кон все свои скромные финансовые средства и уволившись из армии. Но в это время в Северо-Западной Индии вспыхнуло восстание пуштунских племен, на подавление которого был брошен экспедиционный корпус во главе с другом его отца сэром Биндоном Блудом. И Черчилль решил, что это хороший шанс для него отличиться, что, во всяком случае в будущем, должно было помочь политической карьере. Он спешно вернулся в Индию и по совету Блуда, взяв отпуск в своем полку, добился прикомандирования к экспедиционному корпусу.

Итак, осенью 1897 года Уинстон отправился подавлять восстание пуштунских племен в горной области Малаканд, на северо-западе страны. Здесь ему впервые пришлось участвовать в боях. В первой же схватке в Мамундской долине 16 сентября 1897 года Черчилль, по его собственному утверждению, убил или ранил четверых неприятелей. Так ли это было на самом деле, сказать трудно. Известно, что рассказы об уничтоженных врагах сродни охотничьим и рыбацким рассказам. Корреспонденции о ходе боевых действий Черчилль отправлял в лондонскую «Дейли телеграф».

Черчилль показал себя храбрым боевым офицером, но саму войну с пуштунами считал бессмысленной. Своей бабушке, герцогине Мальборо, он писал: «Люди племен пытаются раненых и уродуют убитых. Наши солдаты никогда не оставляют в живых пленных, незави-

симо от того, ранены те или нет. Полевые госпитали и конвои с больными особенно привлекательны для врага в качестве целей для нападения, мы разрушаем резервуары, которые являются единственным источником воды летом, и применяем против них пули – новые пули «Дум-дум» ... разрушительный эффект которых просто ужасен... Это разорительно финансово, безнравственно морально, сомнительно с военной точки зрения и является грубым политическим промахом». Черчилль считал, что гораздо более эффективной в Индии будет не тактика выжженной земли, а более терпимая политика, призванная умиротворить значительную часть повстанцев.

В письме одному из своих боевых товарищей Уинстон рассказал, как пехотинцы сикхского полка бросили раненого повстанца в печь для мусора и сожгли его заживо. А перед этим повстанцы буквально изрубили на куски роту 14-го Сикхского полка.

По окончании экспедиции Черчилль опубликовал книгу «История Малакандского полевого корпуса». Там он с иронией описывал, как воспринималась в Англии проводившаяся в зоне племен тактика «выжженной земли»: «В Англии по этому вопросу высказывалось много неверных суждений. Один член палаты общин спросил государственного секретаря, принималось ли во внимание при наказании деревень, что сжигаться должны были только дома виновных в антибританских выступлениях. Он получил суровый ответ, что вина владельцев домов при их сожжении принималась во внимание. Конечно, трудно представить более нелепое зрелище, чем солдаты, которые только что ворвались в деревню, выбив противника штыками, которые отражают энергичные контратаки туземцев, причем опасность с каждой минутой увеличивается и угрожает потерями, и которые при этом расхаживают среди хижин и выясняют, какие дома принадлежат повстанцам, а какие – невинным гражданам. Другой член палаты спросил, уничтожались ли целые деревни или только укрепления. “Только укрепления”, – без колебаний ответил министр. Что же на самом деле? По всей афганской границе каждый дом представляет собой крепость. Деревни – это укрепления, а укрепления – деревни. В каждом доме имеются амбразуры, а есть ли при нем башня или нет, зависит только от состоятельности владельца. Еще один законодатель на страницах своего развлекательного еженедельного журнала посвятил этому вопросу несколько колонок и осудил подобную тактику как варварство. Она не только варварская, утверждал он, но и бессмысленная. Куда теперь пойдут жители деревень? Конечно, к врагу! За этим заявлением скрывается, пожалуй, самое удивительное непонимание истинного положения дел. Автор, похоже, вообразил, что племена состоят из регулярной армии, которая сражается, и мирного законопослушного населения, которое занимается своим делом и время от времени, возможно, протестует против чрезмерных военных расходов. Что же до реального положения вещей, то каждый житель этих мест становится и остается солдатом с того момента, когда он оказывается в состоянии швырнуть камень, и до того времени, пока он в состоянии нажать на курок, после чего, вероятно, его убивают, так как он становится обузой для общества.

Вооружившись этими откорректированными фактами, я приглашаю читателя самого разобраться в вопросе о законности сожжения деревень. Лагерь британской бригады, которая движется по приказу правительства Индии и с согласия народа Соединенного Королевства, подвергается ночной атаке. Убито несколько офицеров, солдат и дорогостоящих выючных животных. Нападавшие отступают в горы. Последовать туда за ними невозможно. Их нельзя поймать, их нельзя наказать. Остается только их собственность – эта собственность должна быть уничтожена. Их деревни становятся заложниками их хорошего поведения. Они прекрасно знают это, и когда атакуют конвой или лагерь, то делают это потому, что рассчитали стоимость потерь и пришли к выводу, что дело того стоит. Конечно, это жестокость и варварство, как и многое другое в войне, но было бы крайне нелогично считать законным уничтожение человеческих жизней и незаконным – уничтожение имущества.

В официальном языке для сожжения деревень обычно употребляют эвфемизмы “было захвачено и наказано столько-то деревень” или же “укрепления были снесены”. Я не верю во все эти иносказания. Отсутствие уверенности, которое демонстрирует правительство Индии в лучших традициях британской демократии, является наименее привлекательной из его черт. Людям нашего острова требуется только, чтобы дело было им прямо и честно изложено, и тогда они найдут разумное и практичное решение. Если это не так, то мы не должны занимать то привилегированное место в мире, которое занимаем».

Здесь Черчилль перед своими читателями откровенен до цинизма. Он прекрасно знает, поскольку на собственной шкуре испытал, что такое партизанская война против повстанцев в колониях, где каждый мирный житель – это потенциальный враг, где обе стороны стараются не брать пленных и добывать неприятельских раненых, где только сожжение деревень может заставить жителей не выступать против британской власти. В то же время после Второй мировой войны десятки и сотни германских генералов и офицеров были приговорены союзными военными трибуналами, в том числе британскими, к длительным срокам заключения или даже казнены за проведение тактики «выжженной земли» в борьбе против партизан, хотя она ничем принципиально не отличалась от той, которую применяли британские войска в Индии и в других колониях. Тут надо, правда, заметить, что эти трибуналы начали работать уже тогда, когда Черчилль не был премьер-министром, и сам он на протяжении войны решительно выступал против советского предложения просто расстрелять скопом 50 тыс. немецких генералов и офицеров. Но он в то же время понимал, что в политике часто приходится прибегать к готтентотской морали: «Плохо, если сосед угнал моих буйволов, хорошо, если я угнал буйволов у соседа». А еще индийский опыт показал Черчиллю, что многие покоренные британцами народы только и думают, как бы восстать против своих господ. И у него появились мысли о том, что британская колониальная политика должна быть гибче, чтобы по крайней мере верхушке покоренных народов и племен выгоднее было бы быть в составе Британской империи, чем вне ее.

Исходя из опыта войны в Индии, Черчилль пришел к следующему философскому заключению: «Пуля в ногу может превратить храбреца в труса. Удар по голове делает из умного человека дурака. Я читал даже, что достаточное количество абсента может превратить хорошего человека в негодяя. Торжество разума над материей, похоже, еще не полностью достигнуто». Абсенту Уинстон предпочитал коньяк и виски.

В сущности, вся война велась для того, чтобы наказать повстанцев и заставить их вернуть 21 современную винтовку, которые они захватили у убитых ими солдат 35-го Сикхского полка. Когда винтовки были наконец возвращены, Черчилль следующим образом это прокомментировал: «Это была одна из самых невыгодных сделок в истории. Люди многоречиво рассуждают о “полном разоружении приграничных племен” как об очевидной политике. Несомненно, такое разоружение было бы весьма желательным. Но его осуществление было бы мероприятием столь же болезненным, как извлечение жал у ос голыми руками».

Вероятно, из книги о Малакандском походе или из печатавшихся в «Дейли телеграф» писем Черчилля почерпнули эпизод с сожжением заживо пленного повстанца безвестные авторы легенды о гибели красного партизанского командира на Дальнем Востоке Сергея Лазо, будто бы сожженного японцами и уссурийскими казаками в паровозной топке. Дело в том, что заместителем председателя Военного совета Временного правительства Дальнего Востока – Приморской областной земской управы Сергей Лазо был арестован японскими войсками во Владивостоке в начале апреля 1920 года, после того как красные партизаны уничтожили японский гарнизон и колонистов в Николаевске-на-Амуре. По официальной советской версии, Лазо и его товарищей, Алексея Луцкого и Всеволода Сибирцева, японские военные вывезли из Владивостока и передали забайкальским казакам атамана Семенова и после пыток расстреляли. Лазо якобы расстреливать не стали, а еще живым бросили в паровозную топку на станции

станции Муравьево-Амурская, точно так же как пуштинского повстанца в книге Черчилля. Однако в топку паровоза того времени живого человека никак не засунешь, а больших печей для сжигания мусора на российском Дальнем Востоке не было. Размер входного отверстия – 64 на 45 сантиметров. При таких габаритах туда, пожалуй, даже девушку на последней стадии анорексии не засунешь, не то что здоровяка Лазо. Очевидно, у печи для сжигания мусора, которой пользовались пехотинцы-сикхи, входное отверстие было значительно больше. В действительности первой о смерти Сергея Лазо сообщила японская газета «Джапан Кроникл» еще в апреле 1920 года – он был расстрелян во Владивостоке, и труп сожжен. Поскольку точное место расстрела так и не было названо, надо было придумать легенду, подходящую для пропагандистских целей и приурочивающую гибель Лазо к определенной станции, где можно было поставить памятник. Отсюда и пошли знаменитые стихи Маяковского:

В паровозных топках
сжигали нас японцы,
рот заливали свинцом и оловом.
Отрекитесь! – ревели,
но из
горящих глоток
лишь три слова:
– Да здравствует коммунизм!

Здесь опять-таки некоторая поэтическая вольность – ведь сжигали Лазо, по официальной версии, не японцы, а казаки есаула Бочкарева. Кстати сказать, в советском фильме «Сергей Лазо» убийцу Лазо Бочкарева сыграл великий русский режиссер Андрей Тарковский (это была чуть ли не единственная его роль в кино; как говорится, роль маленькая, но со словами). Позднее это вызвало подозрения в Госкино, что Тарковский потому взялся сыграть казачьего есаула, что ему нравится расстреливать красных командиров и комиссаров. По этому поводу можно сказать только, что есаул Валериан Иванович Бочкарев действительно существовал, только был он из уссурийских, а не забайкальских казаков. В 1921 году белое Приамурское правительство с большим трудом спланировало его добровольческий отряд из Владивостока на Камчатку, поскольку опасалось казачьей вольницы. Там произведенный в полковники за освобождение от красных Охотска Бочкарев немало обогатился на торговле пушниной, а затем благополучно эмигрировал в Шанхай (по другим данным, погиб в начале 1923 года в селе Гижиге в Северо-Эвенском районе Магаданской области в бою с красными). Но нет никаких данных, что он хоть как-то был причастен к гибели Лазо.

Но вернемся к Черчиллю. После возвращения из Малакандского похода, как мы уже упоминали, он собрал свои письма и корреспонденции в книгу, которую издал в 1898 году под названием «История Малакандского полевого корпуса», имевшую успех. За ней последовали биография Гарибальди и книга об истории гражданской войны в США, а также единственный роман Черчилля – «Саврола, или Революция в Лауралии». Сначала он по частям печатался в «Макмиллан'с мэгэзин», а спустя два года вышел отдельной книгой. Роман, в отличие от исторических книг, не имел большого успеха, хотя и принес автору весьма приличный доход в 700 фунтов.

Критика отмечала, что особо удались Черчиллю сцены военных действий: сказался личный боевой опыт. А вот мелодраматические диалоги вышли у начинающего писателя значительно хуже. Главный герой романа – Саврола, «великий вождь демократии» в республике Лауралии, которой правит жестокий диктатор Моляра. Саврола – персонаж явно автобиографический, а в Лауралии угадываются черты старой доброй Англии. Например, лауралийцы, подобно англичанам, любят играть в поло. Саврола, как и Черчилль, – человек целенаправлен-

ный, умеющий владеть собой. Сюжет сочинения Черчилля развивается вполне в духе бульварных романов. Симпатичная и молодая супруга диктатора становится возлюбленной Савролы. Он возглавляет революцию, направленную на восстановление попранной диктатором конституции. По ходу действия Саврола произносит слова о «надежде на процветание, на которое имеет право каждый, даже самый бедный человек». Но сам черчиллевский герой достаточно трезво оценивает свои возможности: «Кто я в этой толпе: господин или раб? Во всяком случае, у меня нет иллюзий!»

Восставший народ под предводительством Савролы свержает тирана, и Моляра гибнет на ступенях дворца. Однако победа свободы и демократии омрачена происками тайного анархистско-социалистического общества Карла Кройце, члены которого являются сторонниками насилия и имеют большое влияние на рабочий класс. Здесь присутствует явный намек на Карла Маркса и марксистов. В переводе фамилия героя Kreutz означает «крест» (по-немецки слово «крест» пишется немного иначе: Kreuz, но произносится одинаково), что содержит иронический намек на обожествление Маркса его последователями. Имя героя в романе тоже пишется по-немецки: Karl, а не Carl, как должно было быть по-английски.

После возвращения из Малакандского похода Черчилль сразу же стал хлопотать о новой командировке, на этот раз в Судан, для освещения подавления махдистского восстания. Его назначили на сверхштатную должность лейтенанта, специально оговорив, что в случае гибели или тяжелого ранения Черчилль или его семья не сможет рассчитывать на страховые выплаты из армейских страховых фондов. Командировку в Судан оплатила великосветская газета «Морнинг пост», куда Черчилль должен был направлять свои репортажи. Уинстон участвовал в решающем сражении при Омдурмане 2 сентября 1898 года, в том числе и в последней атаке британской кавалерии в конном строю. Черчилль так описал ее в книге о Суданской кампании «Война на реке», ставшей бестселлером и принесшей Черчиллю настоящую литературную славу: «Дервиши сражались самоотверженно – резали лошадям жилки, рубили поводья и стремянные ремни. Они расстреливали наших солдат в упор, закидывали острыми копьями, выпавших из седла безжалостно рубили мечами, пока те не переставали подавать признаков жизни... Я перешел на рысь и поскакал к отдельно стоящим неприятелям, стреляя им в лицо из пистолета (у Черчилля был германский «маузер», чьи достоинства он полностью оценил. – Б.С.), и убил нескольких: троих – наверняка, двоих – с большой долей сомнения и еще одного – весьма сомнительно».

В письме матери Черчилль пытался дать рациональные объяснения своей храбрости: «Быть все время на виду, блистать, обращать на себя внимание, так надо вести себя, чтобы стать героем в глазах публики, в этом залог успешной политической карьеры. Однажды я проскакал на своей серой лошадке по самой линии огня, тогда как все спрятались в укрытие. Может, это и глупо, но ставки велики, тем более когда у тебя есть зрители. Если на тебя никто не смотрит, то и храбрость ни к чему».

Возможно, Черчилль несколько преувеличил свои успехи. Всего в битве при Омдурмане англо-египетские войска (8 тыс. британцев и 18 тыс. египтян, имевших 50 современных орудий и 80 пулеметов) потеряли 48 убитых и 428 раненых. Потери суданцев, которых будто бы насчитывалось 60 тыс. человек, никто толком не считал. В отчете Китченера говорилось о 5 тыс. пленных (что, вероятно, близко к истине) и 9,7 тыс. убитых и 25 тыс. раненых (потери убитыми и ранеными, возможно, преувеличены, хотя они наверняка в десятки раз превышали потери египтян и британцев).

Эту же атаку Черчилль рассматривал как философское отражение сути жизни: «С некоторой точки зрения кавалерийская атака очень похожа на обычную жизнь. Пока вы в порядке, твердо держитесь в седле и хорошо вооружены, враги далеко вас обходят. Но, стоит вам потерять стремя, лишиться узды, выронить оружие или получить ранение – самому или лошади, – и тут же со всех сторон на вас ринутся враги».

Черчилль критиковал главнокомандующего генерала Китченера за жестокое отношение к пленным и неуважение к мусульманским обычаям. Он утверждал: «Китченер – великий полководец, но его трудно обвинить в том, что он – великий джентльмен». Подобное вопиющее нарушение субординации привело к тому, что Черчилль не был награжден за суданскую кампанию.

После возвращения из Судана Черчилль вышел в отставку, собираясь начать политическую карьеру в рядах консервативной партии. Литературные доходы принесли ему достаточно средств для ведения предвыборной кампании. Однако на дополнительных выборах в небольшом английском промышленном городке Олдем Черчилль потерпел поражение. Для местных рабочих он оказался слишком аристократом.

Англо-бурская война заставила Черчилля вновь вернуться к профессии военного корреспондента, непосредственно участвующего в боевых действиях. 15 октября 1899 года он отправился в Южную Африку корреспондентом «Морнинг пост» с жалованьем в 250 фунтов в год. Он боялся только одного – что не успеет попасть на театр боевых действий до окончания войны. Но война получилась совсем молниеносной. Один из корреспондентов, работавших в Южной Африке, вспоминал: «Уинстон – просто удивительный человек. Он не питает ни малейшего почтения к старшим по званию и положению, разговаривая с ними, словно со своими сверстниками. Он одинок и держится и с излишней самоуверенностью, недоступной другим. Я еще ни разу не встречал столь амбициозного, храброго и открыто эгоистичного типа». Из Кейптауна Уинстон писал матери: «Мы недооценили военную силу и дух буров, и я сильно сомневаюсь, что одного армейского корпуса будет достаточно, чтобы сломить сопротивление. Так или иначе нам предстоит жестокое, кровавое сражение, в котором мы, скорее всего, потеряем десять или двенадцать тысяч человек. Я же верю, что буду сохранен для будущих событий». Первоначально Черчилль хотел попасть в осажденный бурами Ледисмит и предлагал 200 фунтов тому, кто сможет провести его сквозь неприятельские позиции, но проводников так и не нашлось. Уже 15 ноября Черчилль отправился на бронепоезде в рейд в районе Эсткорта. Вскоре бронепоезд был обстрелян артиллерией буров. Двигаясь задним ходом, состав врезался в валуны, которыми буры перегородили путь. Ремонтная платформа и два броневагона сошли с рельсов, а единственное орудие ставшего неподвижным бронепоезда было выведено из строя прямым попаданием. Черчилль командовал расчисткой пути. Он бесстрашно вел себя под огнем, но, когда путь был расчищен, выяснилось, что сцепка оставшегося на рельсах вагона перебита снарядами. Тяжелораненых погрузили на паровоз и отправили в тыл. Когда паровоз оторвался от неприятеля, Черчилль прыгнул и присоединился к 50 оставшимся британским солдатам, вместе с которыми и был взят в плен. Он объяснил, что не мог бросить их на произвол судьбы, хотя перед пленением предусмотрительно выбросил пистолет и требовал от буров освободить его как не участвующего в боях представителя прессы (буры это требование проигнорировали). Их поместили в лагерь военнопленных в Претории. Капитан Энтони Уэлдон впоследствии утверждал: «Я беседовал с машинистом поезда и путевым рабочим, они сходятся во мнении, что никто не вел себя отважнее и хладнокровнее, чем мистер Черчилль». А другой капитан, Джеймс Вили, принимавший участие в расчистке путей, полагал: «Уинстон очень храбрый малый, хотя и без царя в голове». Черчилль был легко ранен и взят в плен бурским генералом Луисом Ботой, с которым они позднее стали друзьями.

Уинстон Черчилль во время Англо-бурской войны

Но уже 12 декабря Черчилль бежал из плена. За его поимку буры назначили награду в 25 фунтов, что, кстати сказать, было немного больше его месячного жалованья в газете. Они выпустили следующее объявление: «Разыскивается Уинстон Черчилль, британский подданный, возраст – 25 лет, рост – 5 футов 8 дюймов (173 см), без особых примет, ходит с высоко поднятой головой. Кожа бледная, волосы рыжеватые, носит короткие усы. Говорит в нос, слегка шепелявит. Не владеет языком африкаанс, одет в коричневый пиджак, находится в бегах...» К счастью, по такому неконкретному описанию найти человека было трудно, тем более что и усы, и коричневые пиджаки носили многие местные жители.

Два других участника побега – командир бронепоезда лейтенант Холдейн, бывший сослуживец Уинстона по кампании в Малаканде, и главный сержант Бруки – были схвачены охраной при попытке перелезть через стену. Черчилль так и не дождался их в кустах на противоположной стороне стены. Впоследствии его обвиняли, будто он бросил товарищей, но доказательств этому не было, а в 1912 году Черчилль вынудил журнал «Блэквудс мэгэзин» напе-

чатать опровержение и принести извинения за подобные утверждения. Ходили слухи, будто Черчилль бежал, переодевшись в женское платье. В действительности он был одет в полевую форму и имел в карманах 75 фунтов денег и 4 плитки шоколада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.